

О.Н. Черных
(научный руководитель Е.Э. Сурова)

КЛАСТЕРИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Важнейшие тенденции в современной культуре в определенном смысле «скрыты» под оболочкой разнообразных и разнонаправленных глобальных экономических, политических, социальных, коммуникационных и пр. процессов. Рассмотрение данных процессов, иногда как будто бы не связанных напрямую с культурой, может способствовать выявлению общих моделей структурирования и трансформации современного социокультурного пространства в его целостности. Можно выделить политико-экономическое, коммуникационное и идентификационно-ценностное измерения современных глобализационных процессов и рассмотреть их, опираясь на культур-философский анализ положений ряда экономических, социологических и политологических теорий нашего времени. На основе данного анализа мы попробуем выделить ряд важнейших тенденций в современной социокультурной интеграции, которые мы вслед за известным канадским исследователем информационного общества и культуры Говардом Рейнгольдом назовем *кластеризацией*.

1. *Современные политико-экономические процессы и реструктуризация культурного пространства.*

В контексте анализа политико-экономического измерения современных процессов можно говорить об экономической глобализации как важнейшем процессе, связанном с реструктуризацией политической и социокультурной среды, а также о внутренней трансформации самой экономики в современную эпоху.

Если говорить об экономической глобализации в целом, то стало практически общепризнанным утверждение, что она приводит к подрыву основ национального государства в форме социального государства, построенного в экономически развитых странах мира в третьей четверти XX в. Экономическая глобализация приводит к тому, что формирующаяся транснациональная экономика становится не подвластной контролю национальных экономик, и экономические процессы на глобальном уровне (например, деятельность мировой биржи, глобализация рабочей силы и производства) могут быть даже разрушительными для последних (в качестве примера здесь можно привести ситуацию современного мирового финансового кризиса). Теория национального государства, которая предполагала совпадение границ общества и государства более не является релевантной [3:178]. Границы национального государства и общества разрушаются, уступая место сложным взаимодействиям между различными общностями и силами в разнообразных процессах и ситуациях на локальном и глобальном уровнях. Как отмечает У. Бек, если политическим символом нового времени был Левиафан, то современность – это «национальное» государство как Гулливер, опутанный бесчисленными тончайшими нитями международных движений [3:130]. Можно говорить о формирующейся многомерности и *полицентричности* мирового сообщества, где происходит сложная игра транснациональных и «национальных» сил.

В целом *глобализация предполагает реструктуризацию национально-государственных общностей* или даже денационализацию, приводит к падению внутреннего уровня интеграции соответствующих стран, как отмечает У. Бек [3:19]. Сила интеграции национального государства основывалась на *однородности* и относительной «герметичности», поддерживаемой существованием физических, политических, экономических, социальных, культурных (единая символическая среда), идеологических и пр. границ. И именно эта внутренняя однородность социокультурного пространства, поддерживавшаяся механизмами государственного контроля, распадается в эпоху коммуникационной, культурной, экономической и пр. глобализации. Глобализация в наиболее общих чертах предстает как деятельность и сосуществование в условиях аннулирования расстояний и границ в мировом масштабе, когда исчезает привязка общностей и индивидов к определенному месту в национально-государственном аспекте, предоставляя «возможность жить и действовать одновременно здесь и там», (например, мигранты, работающие в одной стране, но имеющими свои жизненные проекты на родине) [3:56-57].

Анализ современной экономики, проведенный Мануэлем Кастельсом в его фундаментальном труде «Информационная эпоха», а также Фрэнком Уэбстером и рядом других исследователей позволяет говорить о принципиальных изменениях в рамках экономической структуры как таковой в современную эпоху.

Функционирование экономики в рамках национального государства соотносилось с границами и структурными иерархическими принципами, соответствовавшими организации последнего. Глобализация приводит к трансформации модели иерархически структурированного индустриального массового производства и потребления, достигшей вершины своего развития в третьей четверти XX в. в развитых национальных государствах Запада (что, конечно, полностью не отменяет наличия прежних вертикальных и горизонтальных экономических структур). Ряд исследователей полагает, что происходит изменение организации производства в сторону «гибкой специализации» и *сетевой* модели организации [6:493; 10:106-108]. Возникает высокотехнологичное, организованное на основе компьютерных сетей, производство под конкретные заказы с гибким изменением технологии производства и использованием рабочей силы с гибким графиком работы. В основе данной модели лежат процессы *кластеризации* экономической деятельности – децентрализации производственных организаций и формирования на основе инфраструктуры новых информационных технологий сетей предприятий – экономических *кластеров*. Централизованные гигантские корпорации уходят в прошлое и трансформируются в глобальные *сетевые* самопрограммирующиеся и самоуправляющиеся единицы для выживания в условиях глобальной конкуренции. Можно говорить о конце монополии огромных иерархических фабричных организаций, не способных гибко реагировать на быстро меняющиеся, саморевolucionизирующиеся технологии, переменчивый спрос рынков и требования «индивидуализации» продуктов и услуг в современном обществе потребления [2:329].

Другим, очень важным, аспектом реструктуризации национально-государственных общностей и социокультурной среды в целом, является ослабление прежних форм внутренней организации общества. Речь идет прежде всего о классах, устойчивая иерархия которых в индустриальную эпоху скрепляла политический каркас национального государства. Различные исследователи предлагают разнообразные обоснования данного процесса. Так, Д. Белл говорит об изменении в структуре занятости населения в связи с переходом от промышленного общества к постиндустриальному обществу услуг, изменяющей

прежнюю классовую схему. Э. Тоффлер считает современность переходом к информационной цивилизации в связи с возрастанием роли информационных работников и истончении пролетариата и буржуазии как классов. М. Кастельс говорит о формировании информационного капитализма, основанного на производстве информации. Но в любом случае представляется очевидным, что, как это ёмко сформулировал У. Бек, «мы являемся свидетелями метаморфозы общества в рамках модерна, в ходе которой люди *освобождаются* от социальных форм индустриального общества – от деления на классы и слои, от традиционных семейных отношений и отношений между полами, точно также как в ходе Реформации они освобождались от господства церкви и переходили к формам жизни светского общества» [2:105]. В современной ситуации «истончаются и аннулируются субкультурные классовые идентичности и связи. Одновременно начинается процесс индивидуализации и диверсификации ситуаций и стилей жизни, который подтачивает иерархическую модель социальных классов и слоев и ставит под сомнение ее реальное положение» [2:112]. Возникает тенденция к индивидуализированным формам и ситуациям существования, которые вынуждают людей ради собственного материального выживания ставить себя в *центр* планирования и осуществления собственной жизни [2:106]. Ряд других исследователей также говорят о возникновении нового индивидуализма, преодолевающего прежние типы социальности – семейно-общинную и классовую, воплощением которых становятся эгоцентрические социальные сети (М. Кастельс, Г. Рейнгольд, Б. Уэллмэн) [5:155; 9:95; 13]. У. Бек отмечает, что «принципы централизации и бюрократизации и связанное с ними окостенение социальных структур начинают конкурировать с принципами гибкости, которые в возникающих ситуациях риска и нестабильности все больше завоевывают приоритет, а одновременно предполагают новые, невиданные ныне формы «контролируемой вчуже самокоординации» субсистем и децентрализованных активных единиц» [2:343].

В современной ситуации, когда происходит ослабление прежних вертикальных форм социокультурной интеграции – национально-государственной и социально-классовой иерархии, децентрализация экономики и политики в локальных и глобальных масштабах, и параллельная им индивидуализация, важнейшим является вопрос о том, каким образом и на каких принципах будут формироваться новые прочные социальные взаимосвязи, сравнимые с интеграционной силой социальных классов. У. Бек говорит о гибкости и подвижности современных форм интеграции индивидов: «Изоляция осознавших свою самостоятельность индивидов может быть преодолена на самых разных путях общественно-политического развития. Соответственно коалиции будут возникать и распадаться по ситуационным и тематическим признакам, в них будут перемешаны представители самых разных групп и различного общественного положения» [2:145]. Слабеющие вертикальные, иерархизированные схемы социокультурной интеграции, вроде классовой, в современных условиях гибкости и подвижности индивидуальных и групповых взаимодействий могут быть реструктурированы на основе принципов горизонтальной, сетевой социокультурной интеграции. Исследователь информационного общества Барри Уэллмэн утверждает, что современная структура межиндивидуальной коммуникации представляет собой сеть с различными коммуникационными каналами [13]. Сетевая структура предполагает подвижность границ сообществ и разнообразие связей между индивидами и сетями. Исследования Уэллмэна приходят к выводу о том, что сложные социальные сети, преодолевающие жесткую пространственную и социально-групповую включенность индивидов, существовали и в прошлом в рамках вертикальной иерархичной системы интеграции индустриального общества, но современные достижения в развитии средств коммуникации (прежде всего, Интернета) делают их важнейшей в будущем формой социальной организации. Современная ситуация децентрализации и «гибкости» связей, где каждый человек вместо того, чтобы соответствовать какой-либо одной социокультурной группе, обзаводится множеством сетевых «личных сообществ, преодолевая пространственную и социально-групповую (например, семья или рабочая группа) привязанность [9:95], содержит тенденции формирования новой *сетевой* социокультурной интеграции, которая благодаря развитию информационных технологий, основанных на сетевом принципе, теоретически может стать основной формой социокультурной организации в форме « сетевого общества».

Специфика и значение новой сетевой коммуникации для формирования нового типа социокультурной интеграции в современную эпоху станет более очевидной из анализа коммуникационного измерения современных процессов.

2. Коммуникационное измерение глобализации и кластеризация социокультурных отношений.

Если проанализировать рассмотренный выше феномен национального государства с культурно-философской точки зрения, абстрагируясь от политологического, социологического и экономического дискурсов, то можно выделить следующее *фундаментальное* коммуникационное основание возникновения и существования национального государства, которое обеспечило устойчивую социокультурную интеграцию в пределах представлений «географической карты» в определенное историческое время. Таковым фундаментальным основанием было формирование множества единых

относительно замкнутых *локальных символических сред*, которое дало возможность и действительность интеграции национальных общностей, сделало возможным формирование политической карты мира с пестрым множеством устойчивых во времени и пространстве политических, экономических, социальных объединений, многие из которых мы можем наблюдать и по сей день. В работе Бенедикта Андерсона, посвященной становлению западного национализма, на основе фактического материала показано, что наиболее существенным фактором возникновения наций было распространение книгопечатания, создавшего новое единое коммуникационное пространство в виде печатного языка, сформировавшего в свою очередь национальное сознание как возможность коллективных представлений в рамках общей символической среды [1:29, 65, 150, 162]. Маршалл Маклюэн в своих фундаментальных работах по исследованию воздействия средств коммуникации на человека и социокультурную интеграцию, также отмечает, что именно возникновение и распространение книгопечатания имело своим следствием политическую и культурную унификацию гетерогенных средневековых поселений посредством порожденных книгопечатанием единых символических сред в виде гомогенных национальных языков, основанных на принципе непрерывности, единообразия и повторяемости, и распространивших данный принцип новой коммуникационной технологии на социальную, экономическую и политическую организацию общества [8:202]. Коммуникационная теория М. Маклюэна делает акцент на революционном влиянии именно средств коммуникации на культуру и общество, поскольку «средство коммуникации есть сообщение», и «сообщением» любого средства коммуникации, или технологии, является то изменение масштаба, скорости или формы, которое привносится им в наши дела»: «именно средство коммуникации определяет и контролирует масштабы и форму человеческой ассоциации и человеческого действия» [8:10-12]. Механизмы воздействия нового средства коммуникации, по Маклюэну, функционируют «...не на уровне мнений или понятий; оно меняет чувственные пропорции, или образцы восприятия, последовательно и без сопротивления» [8:23]. В творчестве М. Маклюэна есть достаточно четкий привкус технологического детерминизма, но продуктивной, на наш взгляд, может быть феноменологическая интерпретация его идей.

Ключевыми понятиями для понимания феномена коммуникации, на наш взгляд, являются именно «образцы» или «*модели восприятия*», в рамках которых отдельные индивиды и сообщества индивидов конституируют ту или иную символическую среду, т.е. культуру как мир человеческого опыта. Бытие человека предполагает обращенность к Другому как к миру в целом, т.е. *коммуникацию* с этим Другим, в рамках которой и происходит опыт. Человек всегда формирует свой жизненный мир, исходя из наличных моделей коммуникации. При этом полагание мира и себя реализуется в актуальном опыте через коммуникацию, оно всегда процессуально. Вне коммуникации бытие человека и культуры невозможно. При этом Другой возможен для меня, и Я возможен для Другого только в рамках общей целостной картины мира, т.е. только при условии возможности общего опыта, который может формироваться только в рамках общей коммуникативной модели. Исторически виды коммуникации предполагают различные модели восприятия, в рамках которых человек конституирует свою картину мира. То есть, возможно говорить о различных исторических моделях коммуникации, которые коррелируют с определенными структурами опыта, в которых сознание в процессе коммуникации с Другим конституирует действительность. При этом преобладающие модели коммуникации коррелируют с типом структурированности социокультурного пространства. Анализ данных моделей восприятия и коммуникации может быть очень полезен для понимания важнейших процессов в социокультурном пространстве, современном в частности, что и является нашей задачей.

«Книгопечатная» модель восприятия и коммуникации предполагала линейное сегментирующе-гомогенизирующее «механистическое» мышление и соответствующий принцип социокультурной организации. Начиная с XVI в., пишет Маклюэн, представление об однородности, гомогенности, вторгается в искусство, науку, промышленность и политику [7:227, 242]: происходит визуальная гомогенизация опыта в западной культуре. Можно говорить, что в основе сформировавшихся в Новое время национальных символических сред западного мира лежали линейные иерархические модели коммуникации по принципу «центр-периферия». На уровне культуры в целом это порождало наличие эталонной культуры и суб- и контр-культур, бывших неотъемлемой частью доминировавшей культурной игры в монополию и централизацию. На уровне познания, это привело к формированию познающего субъекта как центральной фигуры познания, расчищавшего и упорядочивающего в своем сознании «периферию» объекта, которым выступал весь мир. На уровне идентичности это предполагало привязку индивидуальной картины мира и судьбы к доминировавшим иерархически структурированным социокультурным общностям вроде национальных государств и элементов социальной стратификации, а также к преобладавшим распространенным в данном относительно локальном коммуникационном символическом поле традициям и практикам в целом.

Современная культурная ситуация несет в себе черты принципиально иной модели коммуникации и соответствующего структурирования опыта. Описать данную модель можно, если рассмотреть каким образом современная модель полагания действительности, модель коммуникации, «реализуется» в

наличных технических средствах коммуникации. В основе современных коммуникационных технологий лежит электронная виртуально-сетевая коммуникация, технологическую инфраструктуру которой составляет Интернет. Сеть представляет собой этап синтетического развития средств коммуникации и форм фиксации опыта. В ней формируются супертекст и метаязык, впервые в истории объединяющие в одной и той же системе коммуникации письменные, устные и аудиовизуальные способы человеческой коммуникации. Возникает новая глобальная символическая среда, потенциально объединяющая в себе *все проявления культуры*. Мануэль Кастельс характеризует возникающую на основе коммуникационных возможностей Интернета новую коммуникационную среду культурой «реальной виртуальности», или культурой гипертекста: «это – система, в которой сама реальность (т.е. материальное / символическое существование людей) полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир, мир, в котором внешние отображения находятся не просто на экране, через который передается опыт, но сами становятся опытом. Все сообщения всех видов заключены в средстве, ибо средство стало настолько всеобъемлющим, настолько разнообразным, настолько послушным, что абсорбирует в одном и том же мультимедиа-тексте целостность человеческого опыта» [6:351, 505]. Эта «виртуальность» становится нашей «реальностью» вследствие того, что именно в этом поле виртуально-сетевых вневременных, лишенных места символических систем мы конструируем категории и вызываем образы, формирующие поведение и опыт. Собственно об этом писал в своей терминологии еще Маклюэн, задолго до появления интерактивных информационных сетей: «Главная особенность электрической эпохи состоит в том, что она создает глобальную сеть, во многом похожую по своему характеру на нашу центральную нервную систему. Наша центральная нервная система не просто представляет собой электрическую сеть, но и конституирует единое поле опыта» [8:401]. Ключевыми, на наш взгляд, здесь являются соображения о том, что именно в рамках данной новой *модели восприятия*, этой сетевой гипертекстовой «матрицы», через которую реализуется наша интенциональность, мы и полагаем действительность. Исходным пунктом анализа, на наш взгляд, является не детерминация социокультурной среды со стороны наличных технических средств коммуникации, а именно новая «коммуникационная», или интенциональная, модель сознания, с которой соотносятся виртуально-сетевые средства коммуникации, данные нам в опыте, и представляющие собой формы фиксации этого опыта. Об этом пишет и сам Кастельс. Культура существует только в человеческом сознании и посредством этого сознания. Гипертекста как материального артефакта – продукта конвергенции Медиа и Интернета в виде «реальной» интерактивной системы на основе цифровой коммуникации и электронных операций, в которой все элементы культурного выражения настоящего, прошлого и будущего во всех их проявлениях могут сосуществовать и рекомбинироваться друг с другом, – на данный момент технически не существует, отмечает в своей более поздней монографии (после фундаментального социокультурного исследования «Информационная эпоха») Кастельс. Однако *гипертекст*, утверждает Кастельс, уже *существует как модель восприятия в нашем сознании*. И именно в такой форме, стоит отметить, он только и мыслим. Наше сознание уже обладает способностью рекомбинировать и воспринимать смысл всех компонентов гипертекста, распределенных среди множества сфер культурной выразительности. Гипертекст производится не системой мультимедиа, использующей Интернет, а нашим сознанием при помощи технической возможности Интернета [5:235-237]. Итак, говоря о современной социокультурной среде, можно говорить о гипертекстовой модели восприятия и коммуникации, с помощью которой формируется опыт современного человека и сообщества. Гипертекстовая модель при децентрализованности элементов предполагает логически-смысловую связанность последних.

Схожую гипертекстуальную модель, но принципиально предполагающую не логическую, но «ассоциативную» связанность элементов конструирования действительности, мы можем найти в идее «ризомы» у Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Знаменательно, что философы совсем другого, «постмодернистского» направления, приходят к схожим с выраженными в концепциях М. Маклюэна и М. Кастельса идеям. Ризома (фр. «rhizome» – «корневище», у Делеза и Гваттари это – «корень-луковица», способный прорасти стеблем в любом направлении) – это структура, противостоящая линейным («древовидным») структурам мышления и бытия, превалировавшим в коммуникативно-интенциональной модели классической европейской культуры, исследованной Маклюэном. Авторы перечисляют следующие принципы организации ризомы: первый и второй – «принципы сцепления и гетерогенности: «любое место ризомы может и должно быть присоединено к любому другому её месту» [12:7]; третий – принцип множественности, который отвергает какую-либо соотнесенность с Единым, понимаемым как субъект или объект, как природная или духовная реальность, как образ или мир [12:8]; четвертый – принцип незначающего разрыва: «Ризома может быть сломана, разбита в каком-либо месте, но она возобновляется снова, следуя той или иной своей линии, или следуя новым линиям» [12:10]; пятый и шестой – принципы картографии и декалькомании: «ризома» представляет собой карту, которая многообразна, множественна, в противоположность принципу кальки и репродукции, свойственному логике «дерева», который отсылает всегда к «тому же самому» [12:13-14]. Ризома является

противоположностью «древовидных» линейных иерархических систем, которые, включают в себя центры означивания и субъективации, она является нецентрированной системой, неиерархической и незначающей [12:18, 23]. Она «структурно» состоит из «плато», под которыми подразумеваются «любые множественности, соединимые с другими множественностями поверхностными подземными стеблями таким образом, чтобы образовывать и расширять ризому», и «каждое плато может быть прочитано в любом месте и поставлено в соответствие любому другому плато» [12:24]. «Ризома не имеет начала или конца, она всегда в середине, между вещей, между-бытие, *интермеццо*. Дерево - это преемственность, а ризома – это союз, только союз. Дерево навязывает глагол «быть», а ризома соткана из союзов «и... и... и...». В этой соединенности достаточно силы, чтобы надломить и вырвать с корнем глагол «быть» [12:27].

Современная ситуация, на наш взгляд, условно предлагает две новые (в сравнении с превалировавшей линейной) модели конструирования картины мира. Ризоматическая модель конструирования картины мира структурно – в силу принципа нелинейности и децентрализации – сходна гипертекстуальной, но по сути мы имеем две различных возможных модели конструирования действительности: одну – предполагающую логическую связанность элементов полагаемой множественности, вторую – на основе «поверхностной» «ассоциативной» связанности данных множественных элементов.

В соответствии с данной нелинейной, сочетающей в себе множественность символических позиций, картиной мира выстраивается и современное социокультурное пространство. Американский исследователь современного информационного общества Г. Рейнгольд говорит о *кластеризации* как возникающем новом типе социокультурной интеграции. Рассмотрим подробнее данный феномен.

Кластер (англ. «cluster» – «скопление») — это объединение нескольких однородных (или сходных на основе выбранных критериев и целей) элементов, которое может рассматриваться как самостоятельная единица, обладающая определёнными заданными свойствами. Понятие «кластер» уже достаточно широко используется в различных дискурсах. Так, кластером в экономике является группа взаимосвязанных децентрализованно организованных «гибких» предприятий (о чем мы говорили выше). Существует, например, понятие звёздного кластера как группы звёзд, связанных друг с другом силами гравитации. Это понятие также уже давно используется в математике и естественных науках. В плане интересующей нас социокультурной организации можно обнаружить группы «блоггеров» (создателей виртуально-сетевых сообществ, ведущих дневники), объединённые по определённым признакам (интересам, целям и пр.), и терминологически определяемые как «блоггерные кластеры». Кластеризация, формально определяемая, представляет собой структурирование некоторой множественности объектов (ситуаций) посредством их разбиения на группы, называемые кластерами, так, чтобы каждый кластер состоял из схожих объектов, а объекты разных кластеров отличались по набору признаков. Но нас интересует интерпретация феномена кластеризации как реализации множественной децентрализованной модели полагания действительности. Множественное как чисто бесконечное не представимо в рамках картины мира и не реализуемо в опыте, поэтому даже в рамках указанной модели конституирования действительности, оно подлежит определённому структурированию. Но, очевидно, что не на основе какой-либо монистической или линейно-иерархической модели: ведь подлинная множественность, достаточно четко концептуализированная Делезом и Гваттари, «отвергает какую-либо соотнесенность с Единым, понимаемым как субъект или объект, как природная или духовная реальность, как образ или мир» [12:8]. Множественное может полагаться только через несводимые к одному линейному или иерархическому принципу структуризации «подгруппы» или, правильнее, круги множественности культурных смыслов и практик. *Кластеризация именно и представляет собой конституирование картины мира, состоящей из подвижных кругов множественности любых культурных феноменов* (идей, ценностей, норм, практик, идентичностей как отношения к первым и т.п.). Кластерная картина мира, очевидно, может предполагать или «внутреннюю», логически-смысловую, – в виде «гипертекста», или «поверхностную», ассоциативно-образную, – в виде «ризомы» – связанность элементов и их множественностей.

Модель полагания действительности через децентрализованную множественность позиций и присущая ей кластерная картина мира, предполагает наличие соответствующей модели социокультурной интеграции, данной нам в коллективном опыте коммуникации, и таковая имеется. Г. Рейнгольд, исследующий новую сетевую социокультурную организацию информационного общества (о которой мы уже упоминали), приходит к выводу, что в современной ситуации (прежде всего – на основе технологической инфраструктуры Интернета) формируется новая модель интеграции, в рамках которой каждый индивид становится самостоятельным узлом коммуникации и участником множества глобальных сетевых сообществ, которые можно назвать кластерными [9:122]. Кластеризация предполагает реализацию различных множественных индивидуальных социокультурных ориентаций через участие в соответствующих коммуникационно-деятельностных группах, каждая из которых входит в идентификационную систему конкретного Я. Таким образом, можно говорить о *кластерных сообществах* как виде социокультурной интеграции, в котором множественная картина мира реализуется

в опыте множественной коллективной коммуникации в рамках единого коммуникационного поля (виртуально-) сетевой среды, предполагающем подвижность и множественность включенности и идентичности участников, презентующих свои разнообразные социокультурные ориентации. Идентификационные и ценностные позиции являются ключевыми при анализе функционирования кластерных сообществ.

3. Идентификационные и ценностные аспекты кластеризации

Важнейшим принципом кластерной модели полагания действительности в целом и функционирования кластерных сообществ в частности является идентичность, а именно множественная идентификация и полиидентичность современного человека.

Ключевым элементом социокультурного анализа всегда является человек. Анализируя специфику современной ситуации, очевидным и важнейшим представляется то, что если в прежние эпохи человек был «обречен» воспринимать культуру как неизбежность или судьбу, то «теперь мы способны жить в условиях плюрализма – одновременно в разных пространствах и культурах... Мы больше не принадлежим одной культуре (единственно возможному соотношению человеческих чувств), одной книге, одному языку или одной технологии», как это отмечал еще М. Маклюэн [7:251, 399]. Глобализационные процессы в сфере экономики, политики, культуры в целом, но, прежде всего, в рамках коммуникационной инфраструктуры современных технологий как новой формы фиксации опыта замкнули все бесконечное многообразие мировой культуры в одну единую символическую среду, обладающую удивительным разнообразием и переплетением культурных элементов – традиций, ценностей, практик на различных уровнях интеграции – локальном, глокальном и глобальном. Если раньше человек, допустим европейский, предстоял перед необходимостью существования в рамках относительно изолированных культурных систем, то современная ситуация представляет иную обреченность человека, а именно обреченность на свободу выбора своей культурной традиции, быть может, этот выбор представляется бесконечным и структурируется только через кластеризацию множественности культурных форм в рамках индивидуальных стратегий идентификации. В современной ситуации отдельные исторические культурные традиции, оказавшиеся в универсальном культурном поле могут восприниматься как целостно, так и по частям, что приводит как к их трансформации и микшированию, так и к возникновению новых социокультурных традиций. Современное культурное поле представляется крайне динамичным по своей структуре и содержанию, где присутствует постоянное изменение границ культурных традиций и их констелляций. Человек по определению как творец и творение культуры, определяет границы и содержание культуры, но современная ситуация возможности свободного проектирования культурных моделей представляет человеку уникальные возможности в его культуросозидающей деятельности в условиях отсутствия какой-либо «большой» традиции, или какой-либо одной, когда человек, исходя из своих идентификационных предпочтений, в принципе способен отвергнуть как целостность любую данную традицию, смешав элементы различных традиций – культурные смыслы, ценности, практики – в любых пропорциях, и создав, таким образом, нечто индивидуальное и уникальное. По сути, такая возможная множественная идентификация и полиидентичность отражает онтологическую сущность человека как всегда свою возможность, который как особое существо «может в своем бытии «выбрать» само себя, найти, может потерять себя, соотв. никогда и лишь «мнимо» найти» [11:42]. Современный человек способен не только свободно выстраивать свою кластерную картину мира, собирать свой биографический «конструктор» как это отмечает У. Бек [2:198-199], добавим, цепочка элементов которого уходит в бесконечность, но и свою редакцию культуры в целом, хотя последнее и звучит несколько идеалистично.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
3. Бек У. Что такое глобализация? М., 2001.
4. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1999.
5. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышление об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
7. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего. М., 2005.
8. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М., 2003.
9. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М., 2006.
10. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004.
11. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб., 2006.
12. Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia / Trans. B. Massumi. L.&N.Y., 2004.
13. Wellman B. Physical Place and Cyber Place: The Rise of Networked Individualism // International Journal of Urban and Regional Research. 25 (June, 2001). P.227-52.